

УДК 343.288+347.42

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).4.379-384

НИНА ЮРЬЕВНА СКРИПЧЕНКО,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА КАК УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для цитирования

Скрипченко, Н. Ю. Расширительное толкование возмещения вреда как условия освобождения от уголовной ответственности / Н. Ю. Скрипченко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 4. – С. 379–384. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).4.379-384.

Аннотация. Проведенный в ходе исследования историко-правовой анализ свидетельствует о поступательном изменении уголовно-правового значения понятия «возмещение вреда, причиненного преступлением» от карательного к стимулирующему, что не только более содержательно обеспечивает восстановление нарушенных криминальным деянием прав и свобод, но и создает условия для более глубокой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Изучение сложившейся в последние годы судебной практики позволяет выявить несколько иную тенденцию. Так, в пункте 3 постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» высший судебный орган заложил основу для признания необязательным такого императивного условия освобождения от уголовной ответственности, как позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление. Тенденция, проявляющаяся в предоставлении виновному лицу самой большой, по меркам уголовного права, льготы в виде освобождения от уголовной ответственности при отсутствии прямо требуемого уголовным законом его личного вклада в свое освобождение в виде материальных или физических затрат, направленных на минимизацию общественно опасных последствий совершенного преступления, повлекла за собой безнаказанность лиц, совершающих преступные деяния, представляющие повышенную общественную опасность. В первую очередь это коснулось тех преступлений, когда

© Скрипченко Н. Ю., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

вред причиняется публичным интересам, оценить и возместить который объективно невозможно.

Ключевые слова: возмещение ущерба, заглаживание вреда, освобождение от уголовной ответственности, наказание.

Начиная с первых памятников древнерусского права законодатель активно использовал уголовно-правовой механизм для компенсации вреда, причиненного преступлением. Длительное время денежные взыскания с виновного в счет возмещения причиненного ущерба «сопровождали» уголовное наказание, имея принудительный характер. Так, относя к криминальным деяниям только те, которые причиняют ущерб конкретному человеку (его личности или имуществу), Русская Правда определяла преступление как «обиду», предусматривая за нее и наказание, и возмещение вреда. Например, за убийство применялись вира и головничество, за основную массу других преступлений – продажа и урок. Виры и продажи представляли собой денежные взыскания с виновного или общины, к которой он принадлежал (дикая вира), в пользу князя, а головничество и урок – взыскания в пользу семьи убитого или потерпевшего [1, с. 72–73].

В период централизованного государства, сословно-представительной монархии, абсолютизма и становления Российской империи изменились цели, а с ними и система наказаний. Если прежде князь видел в наказании одну из доходных статей, существенно пополнявших казну, то в указанный период на первый план выступил другой интерес – утратить. Характеризуя законодательство означенного периода, М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что требования истца уступают требованиям уголовного закона [2, с. 85]. Так, ст. 39 Судебника 1497 г. определяла: «Указ о ворах. Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает наместнику и его тиуну. При отсутствии у обвиненного имущества для удовлетворения убытков, понесенных истцом, он не может быть выдан стороне до обработки или выплаты долга, а должен караться смертной казнью».

Первое упоминание о добровольном возмещении виновным вреда, причиненного криминальным деянием, содержится в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. Среди обстоятельств, «в большей или меньшей мере уменьшающих вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания», предусмотренных в ст. 140 Уложения, законодатель закрепил такое позитивное посткриминальное поведение виновного, как «...по содеянии преступления старался по крайней мере отвратить хотя некоторые из вредных оногo последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток» [3, с. 174].

По отдельным категориям дел «добровольная уплата пени и вознаграждения» являлась одним из условий прекращения производства по уголовному делу. Так, в соответствии со ст. 20.1 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. (в ред. 1895 г.) обвиняемый в незаконной рубке в казенном или частном лесу мог быть освобожден от уголовного преследования, если: 1) совершенное деяние наказывалось только денежным взысканием; 2) виновный выплатил «пени и вознаграждения в высшем размере, определенном в законе»; 3) собственнику возвращен самовольно срубленный лес или его стоимость [5, с. 336].

В первых советских кодифицированных уголовно-правовых актах «обязанность загладить причиненный вред» занимала место в системе наказаний (п. «к» ст. 32 УК РСФСР 1922 г.) или мер «социальной защиты судебно-исправительного характера» (п. «о» ст. 20 УК РСФСР 1926 г.), назначение которых зависело исключительно от усмотрения суда «...если суд признает целесообразным, чтобы сам, именно, осужденный устранил последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба» (п. «к» ст. 32 УК РСФСР 1922 г., ст. 44 УК РСФСР 1926 г.).

Активно использовал законодатель уголовно-правовые средства для восстановления прав пострадавших от преступлений и в УК РСФСР 1960 г. Закрепляя соответствующую форму позитивного посткриминального поведения виновного в перечне обстоятельств, смягчающих ответственность (п. 1 ст. 38), законодатель, с одной стороны, стимулировал добровольное и полное возмещение вреда, причиненного преступлением, а с другой – обеспечивал его мерами государственного принуждения, определяя в системе наказаний (п. 8 ст. 21). «Возложение обязанности загладить причиненный вред» предусматривалось в санкциях ряда статей (например, ст. 98, 130, 131 УК РСФСР) и могло быть назначено в качестве основного и дополнительного наказания.

Современное уголовно-правовое регулирование вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, значительно отличается от ранее действовавшего законодательства. Исключив возложение обязанности загладить причиненный вред из системы наказаний (ст. 44 УК РФ) [оставив ее только в перечне принудительных мер воспитательного воздействия (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ)], законодатель существенно расширил перечень норм, поощряющих рассматриваемое право, восстанавливающее поведение виновного. Так, «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением», не только учитываются судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), но и «ограничивают» суд в части максимального срока наказания (ст. 62 УК РФ), «открывают» полномочия в части назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ).

Стремление законодателя максимально обеспечить права потерпевшего от преступления находит отражение и в нормах об освобождении от уголовного наказания. Так, несовершение осужденным действий, направленных на возмещение вреда (полностью или частично) в размере, определенном решением суда, препятствует условно-досрочному освобождению от отбывания наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ), замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ). Уклонение условно осужденного от возмещения вреда закреплено в качестве основания продления испытательного срока (ч. 2 ст. 74 УК РФ) и отмены условного осуждения (ч. 2.2 ст. 74 УК РФ). Рассматриваемое позитивное посткриминальное поведение виновного может «сократить» границы уголовной ответственности, так как на основании ч. 5 ст. 86 УК РФ суд вправе досрочно снять судимость с осужденного, если он вел себя безупречно и возместил вред, причиненный преступлением.

Наиболее широко частноправовые интересы реализованы в нормах об освобождении от уголовной ответственности. Законодатель не только закрепляет в них возмещение ущерба, причиненного преступлением, в качестве одного из обязательных условий прекращения уголовного преследования (за исключением ст. 78 УК РФ), наделяет потерпевшего полномочиями определять пределы уголовной ответственности в ситуациях примирения с виновным (ст. 76 УК РФ), но и идет по пути расширения перечня оснований

освобождения от уголовной ответственности, ориентированных на компенсацию причиненного вреда. Так, в 2011 г. УК РФ был дополнен ст. 76.1 об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, которая по своему содержанию является не только правосоставительной, но и фискальной, так как закрепляет в качестве условий применения как возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, так и перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления (денежную сумму убытков, которых удалось избежать).

В 2016 г. УК РФ был дополнен еще одним основанием освобождения от уголовной ответственности – назначением судебного штрафа (ст. 76.2), которое, в отличие от других видов прекращения уголовного преследования, более «требовательных» к позитивному посткриминальному поведению виновного, предъявляет только одно требование – «возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда». Сниженная требовательность законодателя в этой части компенсируется условным характером рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности, так как освобождение «сопровождает» назначение судебного штрафа (ст. 104.4, 104.5 УК РФ).

Изложенное свидетельствует о поступательном изменении уголовно-правового значения понятия «возмещение вреда, причиненного преступлением» от карательного к стимулирующему, что, на наш взгляд, не только более содержательно обеспечивает восстановление нарушенных криминальным деянием прав и свобод, но и создает условия для более глубокой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Анализ судебной практики позволяет выявить несколько иную тенденцию. Так, в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» пленум Верховного Суда РФ разъяснил ключевые вопросы, возникающие при определении содержания ущерба, причиненного преступлением, способов его заглаживания (п. 2.1 постановления), а также заложил основу для признания необязательным такого императивного условия освобождения от уголовной ответственности, как позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление. В частности, в п. 3 постановления определено: «Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (статьи 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий...».

Разъяснения такого рода, по справедливому замечанию М. Б. Костровой, не только определили «тенденцию, проявляющуюся в предоставлении виновному лицу самой большой по меркам уголовного права льготы в виде освобождения от уголовной ответственности при отсутствии прямо требуемого уголовным законом его личного вклада в свое освобождение в виде материальных или физических затрат, направленных на минимизацию общественно опасных последствий совершенного преступления» [4, с. 38], но и повлекли за собой безнаказанность совершающих преступные деяния, представляющие повышенную общественную опасность. Так, при рассмотрении уголовных дел, возбужденных по ст. 260 УК РФ, стали выявляться факты, когда лица, привлеченные к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений, не имеющие постоянного источника дохода, с низким социальным статусом и не отличающиеся платежеспособностью, возмещают ущерб, доходящий до нескольких сотен тысяч. Очевидно, что причиненный вред возмещают лица, организовавшие и руководившие преступной

деятельностью исполнителей, при этом уголовную ответственность несут последние. В тех случаях, когда инкриминируемое деяние относится к категории средней тяжести (ч. 2 ст. 260 УК РФ), суд усматривает основания для прекращения уголовного преследования, если преступление является тяжким (ч. 3 ст. 260 УК РФ), возмещение ущерба учитывается при назначении наказания, существенно снижая строгость последнего.

Особую тревогу вызывает тот факт, что на практике суды усматривают возмещение ущерба и по тем преступлениям, когда вред причиняется публичным интересам и вряд ли он может быть адекватно оценен (например, по преступлениям, предусмотренным ст. 222, 228, 240.1, 264.1, 291.2, 292, 306, 327, 328 УК РФ).

Так, принимая решение об освобождении О., обвиняемого по ч. 1 ст. 306 УК РФ, от уголовной ответственности, Вологодский городской суд привел следующую мотивировку: «Из материалов уголовного дела следует, что О. впервые привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления небольшой тяжести, характеризуется положительно, загладил причиненный преступлением вред путем принесения письменных извинений руководству УМВД по г. Вологде (л. д. 177), а также оплаты в бухгалтерию УМВД по Вологодской области стоимости расходов в связи с расследованием уголовного дела в сумме 1 694,79 рублей (л. д. 202, 204)» (постановление Вологодского городского суда по уголовному делу № 1-786/2017).

Удовлетворяя ходатайство адвоката о прекращении преследования по ч. 3 ст. 327 УК РФ в отношении Н, обвиняемой в использовании подложной медицинской книжки (приобретенной у лица, не установленного следствием) при трудоустройстве на должность пекаря-продавца, мировой судья указал: «В судебном заседании установлено, что Н ранее несудима, деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести, причиненный вред возмещен путем прохождения медицинского обследования. При таких обстоятельствах суд считает возможным на основании ст. 76.2 УК РФ освободить Н от уголовной ответственности по ч. 3 ст. 327 УК РФ и в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ уголовное дело в отношении подсудимой прекратить с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» (постановление мирового судьи судебного участка № 1 Центрального района г. Челябинска по уголовному делу № 1-24/2017).

Постановляя о прекращении уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 336 УК РФ в отношении прапорщика Т., суд указал: «В судебном заседании установлено, что Т. выплатил потерпевшему 5000 рублей в счет компенсации морального вреда, а также извинился перед ним публично в присутствии личного состава. Потерпевший счел причиненный ему вред полностью заглаженным и ходатайствовал о прекращении уголовного дела в отношении Т. за примирением сторон (ст. 76 УК РФ).

То обстоятельство, что совершенное Т. деяние посягает в том числе и на охраняемые законом публичные интересы военной службы, не препятствует освобождению Т. от уголовной ответственности, так как, исходя из обстоятельств содеянного, эти интересы были нарушены в минимальной степени, в связи с чем у суда не имелось сомнений в заглаживании подсудимым причиненного ущерба» (Обзор судебной практики военных судов по применению института освобождения от уголовной ответственности, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2017 г.).

Прекращая уголовное дело, возбужденное по факту уклонения К. от прохождения военной службы (ч. 1 ст. 328 УК РФ), судья в качестве «иног заглаживания причиненного преступлением вреда» признал самостоятельную явку К. для прохождения военной

службы по призыву (постановление Изобильненского районного суда Ставропольского края по уголовному делу № 1-204/2017).

Законность принятия такого рода процессуальных решений представляется сомнительной, поскольку судами игнорируется тот факт, что заведомо ложный донос, использование заведомо подложного документа, оскорбление военнослужащего, уклонение от прохождения военной службы и тому подобные действия виновных посягают в первую очередь на публичные интересы, которые вряд ли подлежат восстановлению.

Библиографический список

1. История отечественного государства и права : учебник / под ред. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 386 с.
2. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 2. 694 с.
3. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. 790 с.
4. Кострова М. Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: новая норма – старые негативные тенденции правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 36–42.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 2. 480 с.